

УДК 821.161.1

doi.org/10.36906/2500-1795/24-2/07

Смагина А.А.

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА В ТВОРЧЕСТВЕ Д. АНДРЕЕВА

Аннотация. Статья посвящена анализу развития жанра филологической прозы на фоне полемики между школами М. Бахтина и русских формалистов. Рассматривается процесс становления филологического романа в 1920-е годы, когда в литературе произошли значительные жанровые сдвиги, а также отражение этого процесса в творчестве таких авторов, как Вагинов, Тынянов, Набоков, Шкловский. В статье исследуются ключевые темы и вопросы, связанные с эволюцией филологической прозы, особое внимание уделено концепциям интертекстуальности, филологической рефлексии и метатекстуальности. Через сравнительный анализ произведений Леонида и Даниила Андреевых, автор раскрывает, как темы экзистенциального кризиса и духовного просветления перерабатываются и развиваются в их текстах. Основное внимание уделено тому, как Даниил Андреев трансформирует идеи своего отца, предлагая новые пути к духовному возрождению и гармонии. Важная роль в исследовании отводится произведению «Роза Мира», которое является сложным метафизическим текстом, объединяющим культурные и философские концепции с обширным филологическим аппаратом, охватывающим тексты разных исторических эпох. Отмечается, что в произведениях Даниила Андреева метатекстуальные элементы играют ключевую роль в построении структуры и донесении философских идей, что отличает его творчество от предшественников. Автор приходит к выводу, что работы Даниила Андреева представляют собой уникальный этап в развитии жанра филологической прозы, где литературное наследие интегрируется в метафизическую систему, а филологические и экзистенциальные темы находят новые формы выражения. Это позволяет рассматривать филологическую прозу Д. Андреева как важный этап в эволюции русской литературы, синтезирующий художественное и духовное начала, создавая новые возможности для литературной рефлексии и метафизического поиска.

Ключевые слова: филологическая проза, интертекстуальность, филологическая рефлексия, Роза мира, духовное просветление, литературная эволюция.

Сведения об авторе: Анна Андреевна Смагина, аспирант кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, ORCID 0000-0003-2660-7217.

Контактная информация: 644047 г. Омск, ул. Чернышевского, д. 80, кв. 108; тел. 89963951402; smaginaanya@mail.ru.

A.A. Smagina

PHILOLOGICAL PROSE IN THE WORKS OF D. ANDREEV

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of the genre of philological prose against the background of the polemic between the schools of M. Bakhtin and Russian formalists. The article examines the process of the formation of the philological novel in the 1920s, when significant genre shifts took place in literature, as well as the reflection of this process in the works of such authors as Vaginov, Tynyanov, Nabokov, Shklovsky. The article explores key topics and issues related to the evolution of philological prose, with special attention paid to the concepts of intertextuality, philological reflection and metatextuality. Through a comparative analysis of the works of Leonid and Daniil Andreev, the author reveals how the themes of existential crisis and spiritual enlightenment are processed and developed in their texts. The main focus is on how Daniil Andreev transforms his father's ideas, offering new ways to spiritual rebirth and harmony. An important role in the study is assigned to the work "The Rose of the World", which is a complex metaphysical text combining cultural and philosophical concepts with an extensive philological apparatus covering texts from different historical eras. It is noted that in Daniil Andreev's works, metatextual elements play a key role in building the structure and conveying philosophical ideas, which distinguishes his work from his predecessors. The author concludes that Daniil Andreev's works represent a unique stage in the development of the genre of philological prose, where literary heritage is integrated into a metaphysical system, and philological and existential themes find new forms of expression. This allows us to consider the philological prose of D. Andreeva as an important stage in the evolution of Russian literature, synthesizing artistic and spiritual principles, creating new opportunities for literary reflection and metaphysical search. Keywords: philological prose, intertextuality, philological reflection, Rose of the World, spiritual enlightenment, literary evolution.

About the author: Anna Andreevna Smagina, postgraduate student of the Department of Russian Language, Literature and Documentary Communications of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, ORCID 0000-0003-2660-7217.

Contact information: 644009, Omsk, 10 let Oktyabrya str., 195/18, 209 office; tel. 89963951402; smaginaanya@mail.ru.

Смагина А.А. Филологическая проза в творчестве Д. Андреева // Нижневартровский филологический вестник. 2024. №2. С. 87-97. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-2/07>

Smagina, A.A. (2024). Philological Prose in the Works of D. Andreev. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (2), 87-97. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-2/07>

Проза филологической направленности, сформированная на фоне борьбы двух школ – М. Бахтина и формалистов, естественным путем вписалась в литературный процесс 20-х годов XX века.

В 1920-е годы XX века литература переживала глубокие жанровые сдвиги и нестабильность, что привело к появлению промежуточных жанров, не подчиняющихся четким границам и правилам. Роман, как жанр, больше не удовлетворял потребности писателей и читателей того времени, что вызвало широкую полемику среди авторов, стремящихся найти новые формы выражения. Проблемы жанра стали центральными не только для литературных произведений, их авторов, но и для самих героев.

Эта полемика была во многом была инициирована деятельностью русских формалистов, для которых понятие борьбы имело особое значение. Они рассматривали борьбу как внутреннее противостояние писателя самому себе, как процесс, в котором автор, «не уместящийся в собственной биографии», стремится перерасти самого себя и выйти за рамки привычного. Русские формалисты, кроме анализа литературной эволюции отдельных писателей, пытались также преодолеть собственные творческие и теоретические ограничения. Они переходили от изучения эволюции жанров и литературного творчества к рефлексии над своими текстами и исследовательским развитием, стремясь осмыслить и трансформировать свой вклад в литературное наследие.

Школа Бахтина вступает в полемику с формалистами, предлагая альтернативный подход к изучению литературы, акцентируя внимание на диахронии – историческом развитии литературных форм и жанров. В рамках этой школы литература рассматривается не как статичная структура, а как живой процесс, который непрерывно развивается и изменяется под воздействием временных и культурных факторов.

Становление прозы филологической направленности в русской литературе происходило постепенно, через творческую эволюцию произведений различных авторов. Начальные этапы этого процесса можно проследить в работах К. Вагинова, В. Каверина и В.Б. Шкловского (Вагинов 1929: 150; Каверин 2004: 256; Шкловский 1924: 96). Их тексты закладывали основы жанра, сочетая художественное повествование с глубоким литературоведческим анализом, что создавало предпосылки для формирования филологического романа.

На следующем этапе, когда литературный ландшафт стал более зрелым, на авансцену выходят такие значительные фигуры, как О.Д. Форш, Ю.Н. Тынянов и В.В. Набоков (Форш 1988: 424; Тынянов 1994: 562; Набоков 1990: 332). Каждый из этих авторов внес свой вклад в развитие филологического романа, обогащая его как жанр. Их произведения характеризуются не только изысканным стилем и структурной сложностью, но и глубоким погружением в литературные, исторические и культурные контексты, что является ключевой чертой филологической прозы.

В течение всего этого периода интерес к филологическому роману и филологической прозе неуклонно возрастает. Это объясняется тем, что данный жанр предоставляет

уникальные возможности для исследования взаимодействия текста и контекста, для рефлексии над процессами создания и восприятия литературы. Постепенное расширение этого жанра, его укоренение в литературной традиции свидетельствуют о том, что филологическая проза не только утвердилась как самостоятельное явление, но и продолжает привлекать внимание как читателей, так и исследователей, оставаясь актуальной в литературном дискурсе.

Проза филологической направленности – это субжанр, который объединяет элементы художественного повествования и эссеистики, акцентируясь на филологической проблематике.

Сергей Чупринин подчеркивает, что ключевыми характеристиками филологического романа являются нерешенные вопросы творческой жизни, конфликт между малоизвестными персонажами и литературным авторитетом, а также несовпадение образа жизни писателя с его произведениями и его представлениями о себе. Он отмечает, что культурный уровень и филологическая рефлексия становятся центральными аспектами этого жанра, где филологический подход к языку играет основную роль (Чупринин 2007: 768).

И.М. Степанова рассматривает филологический роман как «промежуточную словесность» в русской прозе XX века, где обязательно присутствуют романная коллизия и романный герой (Степанова 2005: 75-82). Она считает, что филологический роман включает в себя элементы литературной или языковой теории, которые реализуются в художественной практике. Это приводит к тому, что список произведений, относимых к этому жанру, сужается, поскольку не каждое произведение, связанное с литературой или филологией, можно считать филологическим романом.

Александр Генис также участвует в формировании концепции филологического романа, предлагая понятие «попятного чтения», при котором читатель возвращается к исходным моментам создания текста, чтобы понять его глубинные смыслы (Генис 2011: 736). А. Генис видит в этом жанре возможность для читателя использовать книгу как улику, ведущую к автору, что отличает филологический роман от традиционного биографического исследования.

Филологическая проза – это особый, отличный от филологического романа, жанр литературы (филологическая проза не имеет романного героя и коллизии), который объединяет художественное и научное начала, сосредоточенное на исследовании языка, текста и литературного процесса, использующее интертекстуальность и являющее собой размышления писателя-филолога или героя филолога по поводу филологии или литературы. Авторы сознательно включают в текст элементы анализа языка, литературы и культуры, часто рефлексировав над процессом письма, текстом и его восприятием. Произведения этого жанра могут включать в себя эссеистические вставки, рассуждения о природе языка, цитаты и аллюзии на литературные произведения, а также метатекстуальные элементы, где текст размышляет сам о себе.

Метатекстуальные элементы играют важную роль в структуре и композиции литературных произведений филологической направленности, помогая автору не только развить сюжет, но и донести философские и культурные концепции через особые способы взаимодействия текста с читателем. В русской литературе XX века наблюдаем особый тип введения таких элементов в творчестве Даниила Андреева, чьи произведения «Роза мира» (1958 год) и «Русские Боги» (1955 год) становятся ярким примером использования метатекстуальности (Андреев 2020: 896; Андреев 1996: 5-312). Эти особенности позволяют Д. Андрееву глубже раскрыть идеи о духовных реальностях, судьбе человечества и его месте в космическом порядке, превращая его прозу в сложную метафизическую систему.

Сложный исторический контекст, в котором создавались эти произведения, нашел свое отражение в текстах. Д. Андреев часто делает отступления, чтобы описать политические и социальные явления в России и мире, посвящая этим темам отдельные главы. При этом историческая и правовая составляющая книги служит художественным средством для раскрытия глубинной сущности «Розы мира».

Сам автор отмечал сложность и неоднородность жанровой структуры «Русских богов», и поэтому он создает новый жанр для своего текста, в котором последовательность глав выстраивается как звенья единой цепи, требующие последовательного прочтения, подобно роману или эпосе. Таким образом, Д. Андреев сразу подчеркивает перед читателем новизну и сложность своего произведения, снимая с себя ответственность за возможное непонимание неподготовленного читателя. Более того, «Русские боги» невозможно рассматривать отдельно от «Розы мира». Интертекстуальная связь между этими произведениями выходит за рамки обычных художественных параллелей, она представляет собой глубокую логическую и генетическую связь, что демонстрирует глубокие филологические связи между текстами. В «Русских богах» представлены только факты космологии Андреева, тогда как в «Розе мира» читатель находит их объяснения и интерпретации.

Филологический аппарат «Розы мира» чрезвычайно обширен: он охватывает тексты практически всех исторических эпох и культур, включает отсылки к реальным историческим событиям, труды философов, идеи ученых естественнонаучного и духовного профиля. Сложность восприятия текста увеличивается за счет наслоения терминов и использования авторского языка. Только читатель с высоким уровнем гуманитарной подготовки способен не только осилить этот текст, но и понять, осмыслить и проанализировать его.

Д. Андреев в своих произведениях предстает в различных образах: то как таинственный духовидец, то как рассказчик, герой или как биографическая личность. Это переключение согласуется с интенцией той или иной главы или отрывка произведения.

X глава играет важнейшую роль в понимании исторических процессов, описываемых Д. Андреевым. «Я всем говорю, что «Розу Мира» надо начинать с 10-й главы, если «пойдет», то переходить к третьей, а уж всю прочтя, вернуться к первым двум», – писала Алла Андреева, жена Д. Андреева (Левина 2008: электронный ресурс). В ней показана ключевая мысль о спасении человеческой цивилизации через творчество духовидцев, а также раскрыта

тема эволюции человеческой цивилизации через эволюцию творческого процесса ее представителей. И именно в X главе, исходя из задумки автора, собран большой филологический инструмент, соответственно, черты филологической прозы ярче всего проявляются в X главе.

В «Розе Мира» образы духовидцев играют важную роль в концепции духовного пути и космической иерархии, изложенной автором. Даниил Андреев рассматривает вестников как людей, наделенных уникальной способностью воспринимать высшие духовные реальности и передавать их в своем творчестве. Среди этих духовидцев он выделяет писателей, философов и поэтов, чьи произведения пронизаны глубокими интуитивными прозрениями и мистическими озарениями. Д. Андреев называет много имен, известных писателей и поэтов, которых он рассматривает как одаренных, талантливых духовидцев или вестников. Среди них такие фигуры, как Данте, У. Блейк, А. Блок, Ф.М. Достоевский и Л. Андреев.

В «Розе мира» важное место занимает исследование русской литературы через образы писателей и поэтов, которых автор называет вестниками. В X главе «Розы Мира» Андреев рассматривает литературу не просто как продукт культурного и исторического контекста, но как важный канал передачи духовных знаний и посланий, которые могут влиять на судьбы народов и всего человечества. В этом контексте русская литература становится ареной для проявления высших духовных сил, а ее авторы – проводниками метафизических идей. Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А. Блок, Л. Андреев. X глава «Розы Мира» описывает литературный процесс как форму духовной борьбы, где авторы играют роль активных участников в этой битве. Писатели-вестники становятся не только свидетелями, но и участниками этой борьбы, оказывая влияние на духовное развитие человечества через свои произведения. Через жизненные испытания, трудности судьбы, склоки и непонимание общества они приближают себя к духовному прозрению, которое в художественных образах выливается на страницы произведений. Литература, таким образом, предстает в качестве духовного ориентира, добытого страданиями сакрального знания как поле битвы, на котором сталкиваются силы света и тьмы, а сами авторы становятся проводниками в этой космической войне темных и светлых сил. Писатели, интуитивно чувствующие эту борьбу, передают ее через свои произведения, тем самым подготавливая человечество к грядущим испытаниям и предлагая пути духовного возрождения.

Так, Ф.М. Достоевский, например, был проводником идей, которые касаются борьбы между добром и злом, светом и тьмой, духовным и демоническим началом в человеке. В его романах, таких как «Братья Карамазовы» и «Преступление и наказание», Андреев видит попытку проникнуть в самые глубинные слои человеческой души и показать, как духовные силы влияют на внутренний мир человека. Л.Н. Толстого Д. Андреев рассматривает как носителя идей нравственного совершенствования и духовного пробуждения. В Л.Н. Толстом он видит не только автора великих романов, но и человека, глубоко озабоченного вопросами духовного роста и морального очищения. Леонида Андреева – как выразителя чувства Христа. Д. Андреев пишет: «... чувство, все время боровшееся в душе этого писателя с

пониманием темной, демонической природы мирового закона, причем эта последняя идея, столь глубокая, какими бывают только идеи вестников, нашла в драме «Жизнь Человека» выражение настолько отчетливое, насколько позволяли условия эпохи и художественный, а не философский и не метаисторический склад души этого писателя!» (Андреев 2020: 896).

Леонид Андреев, в свою очередь, также ориентируется на содержание русской литературы. Однако Л. Андреев не просто подражал своим предшественникам, но и переосмысливал их идеи в свете новых исторических реалий и собственного опыта. К примеру, Л. Андреев, как и Достоевский, был озабочен вопросами добра и зла, свободы воли и судьбы, божественного и демонического в человеке. Например, в рассказе «Иуда Искариот» Л. Андреев переосмысляет тему предательства, которая была центральной в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (образ Смердякова). Однако если у Ф.М. Достоевского Иуда символизирует крайнюю степень нравственного падения, то у Л. Андреева он становится более сложным и противоречивым образом, который вызывает сочувствие и даже оправдание.

Л.Н. Толстой, как и Андреев, уделял большое внимание вопросам морального выбора и ответственности человека. Однако Андреев не разделял толстовский оптимизм и веру в возможность нравственного совершенствования. В его рассказах и драмах мир часто представляется абсурдным и лишенным смысла, где человек вынужден сталкиваться с неопределенностью и трагизмом своего существования. В рассказе «Красный смех» Л. Андреев создает образ мира, погруженного в хаос и безумие войны, где нет места толстовскому гуманизму и вере в прогресс.

А.П. Чехов с его скептическим и реалистическим взглядом на жизнь также повлиял на Андреева. Хотя А.П. Чехов и Л. Андреев часто противопоставляются как представители различных направлений, в их творчестве есть немало общего. Оба писателя уделяли большое внимание внутреннему миру своих героев и использовали психологическую детализацию для раскрытия глубинных конфликтов. В рассказе «Рассказ о семи повешенных» Л. Андреев обращается к теме абсурдности и случайности смерти, которая также была важна для А.П. Чехова, особенно в его поздних произведениях.

Экзистенциальные мотивы в творчестве Л. Андреева предвосхищают идеи экзистенциализма, которые разовьются позже у писателей XX века. В таких произведениях, как «Тьма» и «Жизнь Василия Фивейского», Л. Андреев углубляется в исследование внутреннего мира человека, оказавшегося в ситуации нравственного и духовного кризиса. В отличие от Толстого, который верил в возможность преодоления такого кризиса через нравственное очищение, Л. Андреев показывает бессмысленность и обреченность человеческих попыток найти смысл в хаотичном и жестоком мире.

Примечательно, что в произведениях Даниила Андреева практически отсутствуют прямые указания на его родственные связи с Леонидом Андреевым. Вместо этого Андреев младший с научной тщательностью и беспристрастностью анализирует творчество своего отца, как и работы других писателей, не акцентируя внимание на том, что пишет о

собственном родителе. Леонид Андреев, в свою очередь, в своих произведениях часто обращается к мрачным и трагическим темам: экзистенциальной тревоге, страху, человеческой беспомощности перед лицом катастроф и смерти. Даниил Андреев трактует эти мотивы как предвидение духовных кризисов и испытаний, которые предстоят человечеству.

В «Розе Мира» Даниил Андреев утверждает, что творчество Леонида Андреева, несмотря на его пессимизм, не ограничивается личными страхами, а является результатом контакта с более глубокими, метафизическими слоями реальности. Он рассматривает работы отца как пророчества, предупреждающие человечество о духовных опасностях и грядущих кризисах. Например, в рассказе «Иуда Искарот» Леонид Андреев переосмысливает евангельскую историю, вовлекая читателя в процесс размышления над событием предательства (Андреев 2015: 172). Здесь автор предлагает интерпретацию, где виновность главного героя не решена окончательно, оставляя это на усмотрение читателя. Л. Андреев видел в этом произведении попытку исследования психологии и этики предательства, как он сам писал: «Нечто по психологии, этике и практике предательства» (Андреев, 2015: 172). Даниил Андреев, в свою очередь, усматривает в этом тексте не только предательство, но и глубокую метафизическую борьбу света и тьмы, где Иуда осознает свою неизбежную трагедию и падение.

Таким образом, взгляды двух Андреевых на одни и те же темы заметно различаются: если Леонид фокусируется на трагической стороне человеческой природы, то Даниил подчеркивает метафизический аспект и духовную борьбу, которая пронизывает их творчество.

В творчестве Леонида и Даниила Андреевых прослеживается интересная преемственность и трансформация ключевых тем и идей. Оба автора исследуют мрачные аспекты человеческой природы, особенно наличие темной стороны в человеке. Леонид Андреев в своих произведениях, таких как «Иуда Искарот», «Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных», фокусируется на экзистенциальном кризисе, моральном разложении и внутреннем отчаянии, рассматривая их как неизбежные аспекты человеческого естества (Андреев 2015: 172; Андреев 1981: 432, Андреев 2015: 172). В «Иуде Искароте» он создает философскую драму, где через фигуру Иуды раскрываются вопросы предательства, вины и искупления. Андреевские персонажи, погруженные в страдания и осознание собственной ничтожности, символизируют глубокий кризис, присущий человеческому существованию в мире, полном страданий. В «Красном смехе» автор изображает мир, охваченный хаосом и разрушением, где насилие и страх становятся неотъемлемой частью жизни, подчеркивая абсурдность и трагичность бытия. В «Рассказе о семи повешенных» Леонид Андреев исследует судьбы людей на фоне социальной и моральной деградации, акцентируя внимание на неизбежности смерти и человеческом отчаянии.

Напротив, Даниил Андреев, хоть и продолжает тему экзистенциального кризиса, предлагает другой подход. В его произведениях, таких как «Роза Мира», изображен мир,

который представляет собой радикальный контраст с пессимистичным взглядом его отца. В метафизических построениях Даниила Андреева воплощены идеи о космическом порядке, духовном возрождении и гармонии. Его герои, сталкиваясь с трудностями и страданиями, обретают путь к просветлению через духовную трансформацию. В отличие от отчаяния, присущего персонажам Леонида Андреева, которые часто остаются покаянными и не находят выхода из своего внутреннего кризиса, Даниил Андреев видит возможность преодоления падения через контакт с высшими духовными силами. В «Розе Мира» подчеркивается, что даже самые темные поступки могут быть частью пути к просветлению, если они предопределены высшими силами. По мнению Даниила Андреева, духовная трансформация возможна для тех, кто способен преодолеть кризис и подняться на более высокий уровень осознания.

Таким образом, произведения Леонида и Даниила Андреевых демонстрируют не только преемственность, но и эволюцию философских и экзистенциальных тем. Леонид Андреев с мрачным взглядом на человеческое существование подчеркивал кризис и отчаяние, в то время как Даниил Андреев предлагает светлую перспективу, где духовное возрождение и гармония возможны через понимание космического порядка. В «Розе Мира» тема преодоления кризиса выходит на передний план, как возможное решение тех трагедий, которые Леонид Андреев исследовал в своих произведениях.

С течением времени произведения филологической направленности менялись, проходя необходимые для становления жанра этапы развития и уточнения. Начав с проб пера, продолжив полемикой по литературному поводу, попытками создать новый жанр не в теории, а на практике, развивался и филологический инструмент, и тип взаимодействия текстов и идей, которая в дальнейшем вылилась в уже практически состоявшуюся форму филологической прозы, селективно подобрав инструменты и отбросив недостаточно художественные попытки предшественников, явилась в творчестве Д. Андреева. Глубокие филологические знания, интертекстуальность и особая связь с текстами Л. Андреева являет новый, отличный от предыдущего этап развития филологической прозы.

Наличие тем, начатых Л. Андреевым и продолженных, но осмысленных в другом ракурсе Д. Андреевым, являются уникальным филологическим инструментом, присутствующем в текстах Д. Андреева. В то время как Леонид Андреев фокусируется на мрачных и трагических аспектах человеческого существования, Даниил Андреев предлагает новые пути к духовному возрождению и гармонии. Творчество Даниила Андреева продолжает и развивает идеи, высказанные в произведениях Леонида Андреева, показывая, как философские и литературные темы могут эволюционировать и расширяться, предоставляя новые перспективы на вечные вопросы человеческого существования.

Даниил Андреев стремится не только развивать идеи своего отца, но и интегрировать их в более широкую духовную картину мира, которую он создает в своем произведении. Леонид Андреев, таким образом, становится одной из ключевых фигур в этом духовном

пантеоне, где его интуиции и прозрения переплетаются с мистическими видениями самого Даниила Андреева.

Особый акцент Даниил Андреев делает на трагическом восприятии мира своим отцом, которое он связывает с его духовным зрением и глубоким внутренним страданием. Леонид Андреев, по мнению сына, был способен ощущать невидимые угрозы, нависшие над человечеством, и через свое творчество пытался предупредить о них, хотя и не всегда мог предложить выход или утешение. Космический порядок и метафизическая гармония вместо хаоса, духовное просветление и личная трансформация вместо ошибки, совершенной однажды, исправить последствия которой для души и общества невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев Д.Л. Железная мистерия // Андреев Д.Л. Собр. соч.: В 3 тт. [В 4 кн.]. Т. 3, кн. I. М.: Урания, 1996. С. 5-312.

Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Издательство АСТ, 2020. 896 с.

Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. München: d-r J. Marchlewski & Co, 1904. 119 с.

Андреев Л.Н. Иуда Искарот. Рассказ о семи повешенных / Л. Н. Андреев. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 172 с.

Андреев Л.Н. Красный смех. Минск: Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1981. 432 с.

Андреев Л.Н. Тьма. М.: Издательство Рипол Классик, 2022. 206 с.

Вагинов К.К. Труды и дни Свистонова. Ленинград: Изд-во писателей, 1929. 150 с.

Генис А.А. Довлатов и окрестности. М.: Астрель: Corpus, 2011. 736 с.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 13. Братья Карамазовы: роман в четырех частях с эпилогом, т. 1 / Ф. М. Достоевский. 6-е изд. Санкт-Петербург: Тип. Л. Ф. Пантелеева, 1904. 347 с.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / [Соч.] Ф.М. Достоевского. Изд. испр. Т. 1-2. Санкт-Петербург: А. Базунов, Э. Прац и Я. Вейденштраух, 1867. 2 т.

Каверин В.А. Скандалист, или Вечера на Васильевском острове. М.: Текст, 2004. 256 с.

Левина Н. Знакомство с Розой Мира Даниила Андреева / Проза.ру. 2008. URL: <https://proza.ru/2008/11/24/712> (17.07.2024).

Набоков В.В. Дар. М.: СЛОВО/SLOVO, 1990. 332 с.

Степанова И.М. Филологический роман как «Промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века. Вестник Томского государственного педагогического университета, 2005, вып. 6 (50). с. 75-82. URL: <https://clck.ru/3EBagU> (22.06.2024).

Тынянов Ю.Н. Пушкин // Ю.Н. Тынянов. Сочинения: в 3 т. М., 1994. Т. 3. 562 с.

Форш О.Д. Сумасшедший корабль. Л.: Художественная литература (Ленинградское Отделение), 1988. 424 с.

Чупринин С.И. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 768 с.

Шкловский В.Б. Зоо или Письма не о любви. Л.: Атеней, 1924. 96 с.

© Смагина А.А., 2024